

Кулакова Татьяна Александровна

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ "РАЦИОНАЛЬНОЕ" В ТЕОРИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В ПОЛИТИКЕ И УПРАВЛЕНИИ

В статье анализируются модели принятия решений, созданные в теории рационального выбора, ставшие теоретическим фундаментом для изучения политико-управленческих процессов нового типа, описываемых научными концепциями "good governance", "state capacity" и "policy networks". Расширение практики выработки коллективных политико-административных решений выдвигает задачу исследования рациональности как метода оценки качества решений и способа декомпозиции процессов и структур их принятия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/28.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 98-103. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

48. Там же. 1896. № 12-13.

49. Там же. 1917. № 4.

50. Церковные школы Нижегородской епархии за последние одиннадцать лет: 1884-1895: историко-статистический очерк. Нижний Новгород, 1896.

51. Ярославский Епархиальный Училищный Совет и краткий обзор деятельности его за двадцать пять лет существования: 4 октября 1887 г. – 4 октября 1912 г. Ярославль, 1913.

CHURCH-SCHOOL EDUCATION SYSTEM MANAGEMENT STRUCTURE WITHIN RUSSIAN EMPIRE: THE LAST THIRD OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Tat'yana Aleksandrovna Krasnitskaya, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Native and Foreign History
Shuisk State Pedagogical University
krasniz_t@mail.ru

The author reveals the process of church schools management system formation and development within the Russian Empire in the pre-revolutionary period, reconstructs the management structure of Orthodox faith establishment schools basing on a wide range of sources and determines the stages of its development, the functions and practical experience of individual units work as well as the mechanisms of central and local authorities interaction.

Key words and phrases: management system; church schools; Holy Synod; school council under Holy Synod; eparchial school council; district departments; observers; school principal.

УДК 303.01

В статье анализируются модели принятия решений, созданные в теории рационального выбора, ставшие теоретическим фундаментом для изучения политико-управленческих процессов нового типа, описываемых научными концепциями «good governance», «state capacity» и «policy networks». Расширение практики выработки коллективных политико-административных решений выдвигает задачу исследования рациональности как метода оценки качества решений и способа декомпозиции процессов и структур их принятия.

Ключевые слова и фразы: теория рационального выбора; рациональность; границы рациональности; ограниченная рациональность; принятие решений в политике и управлении.

Татьяна Александровна Кулакова, к. социол. н., доцент
Кафедра политического управления
Санкт-Петербургский государственный университет
Koulakova812@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ «РАЦИОНАЛЬНОЕ» В ТЕОРИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В ПОЛИТИКЕ И УПРАВЛЕНИИ[©]

Интерес к проблеме рациональности с начала XX в., а особенно в 1970-1980-е годы, в отечественной и зарубежной науке объясняется тем, что это был вопрос жизненно-практический в эпоху индустриальной и постиндустриальной цивилизации. Неоспоримые успехи рационального сознания, мышления и действия в развитии науки, научной рациональности, в становлении научно-технической цивилизации привели к распространению сциентизма, и, по выражению Г. Рейхенбаха, «вера в науку в значительной мере заменила веру в Бога» [13, с. 91].

Выяснением того, «какие типичные ситуации развитого индустриального общества усиливают... определенные виды рациональности», занимался Карл Мангейм, вводя дефиниции «субстанциональной» и «функциональной» рациональности [6, с. 293]. Под субстанциональной рациональностью он понимал «акт мышления в той мере, в какой он стремится постигнуть объективно наличные предметность и ситуацию и в большей или меньшей степени достигает этой цели», функциональная же рациональность определена им как «то, что ряд действий организован таким образом, что ведет к поставленной цели, вследствие чего каждый член таких действий обретает по занимаемому им месту функциональную ценность» [Там же, с. 294]. По мнению Мангейма, только индустриализация как специфическая организация общества заставляет людей подчиняться функциональной форме рациональности, поскольку она парализует способность к суждению большинства индивидов, оставляя ее за немногими. Это наблюдение приводит Мангейма к выводу о том, что «наиболее характерная черта современного мышления состоит в попытках добиться полной рационализации мира. Развитие естественных наук есть не что иное, как последовательное стремление к этой цели, которая, несомненно, существовала и раньше» [Там же, с. 583] – и в античной науке, и в средневековой европейской, и в восточной традициях существовали рациональные элементы, но наряду с нерациональными.

К. Поппер, не разделяя мнения Мангейма о том, что современное сознание не знает границ в процессе рационализации, утверждает, что «рационализм с необходимостью далеко не всеобъемлющ и не самодостаточен» [8, с. 267]. За индивидом Поппер оставляет возможность выбора, полагая, что «никакие рационалистические аргументы не способны рационально воздействовать на человека, который не желает признавать рациональный подход» [Там же].

Устойчивость рациональной традиции в западном мире А. Н. Уайтхед объясняет тем, что «привычка к определенному точному мышлению была привита европейскому уму в результате доминирования схоластической логики и схоластической теологии», поскольку «идея рациональности бога» и «результаты исследования природы были предназначены для оправдания веры в рациональность» [10, с. 67-68]. Однако он находит, что и в современном мире «люди – это дети Вселенной со своими глупыми предприятиями и иррациональными надеждами», и «именно непосредственные, достаточно смутные интуиции» их являются тем не менее базисом рациональности [Там же, с. 362].

Границы рациональности определенным образом расширил Курт Хьюбнер. Рациональность не является для Хьюбнера онтологическим понятием, но относится лишь к форме обоснования. Поскольку, по его мнению, наша эпоха опирается на сомнительное «убеждение, что рациональность стоит исключительно на стороне науки», он доказывает в «Истине мифа», что «научная рациональность имеет свою границу в исторически определенных положениях веры» [12, с. 220]. Его «Критика научного разума» – попытка доказать, что миф, привычно противопоставляемый науке как иррациональная форма сознания, но отражающий фундаментальные черты реальности, имеет свою рациональность, которая обусловлена специфическим, отличным от научного, понятием опыта.

Если Хьюбнер дает различие четырех видов рациональности – логической, эмпирической, оперативной и нормативной; то Ганс Ленк приводит уже 21 значение термина рациональность, что само по себе уже свидетельствует о пристальном внимании исследователей к проблеме [17].

Исторический подход к пониманию рациональности в науке сложился в среде историков и философов науки с начала 60-х годов (Р. Коллингвуд, Т. Кун). История развития понятия рациональности разворачивается как переход от узко понятой научной рациональности к философской трактовке разума. Интерес к научным революциям, изменяющим критерии рационального знания, привел к признанию «плюрализма исторически сменяющихся друг друга форм рациональности» [3, с. 5].

Необходимость нового понимания рациональности и расширения ее границ приходит и к приверженцам теорий рационального выбора (Г. Саймон, Ч. Линдблом, Дж. Марч, Д. Олсен и др.). Использование математического аппарата в экономической науке привело к широкому внедрению в ней моделей рационального поведения «экономического человека». Теории рационального выбора (как вербальные, так и математические) полагают рациональность как отбор определенных линий поведения для достижения наиболее предпочитаемых целей и результатов. Исследователи сходятся в целом на инструментальном понимании рациональности, с которой индивиды соотносят свои ожидаемые выгоды, максимизируя их формально предсказуемыми способами.

Эта линия идет от одного из основоположников социологической науки – М. Вебера, для которого рациональность эквивалентна экономическому расчету наиболее выгодного и прибыльного поведения. Основанием рационального поведения должны быть следующие моменты: а) индивиду на выбор предоставляется несколько различных вариантов деятельности; б) доступна информация, позволяющая предвидеть результаты деятельности; в) определены критерии предпочтения того или иного выбора [2].

Классическая экономическая теория развивалась в этой модели рационального поведения, и с течением времени стало очевидно, что такое определение рациональности было слишком ограниченным. Однако рецидивы этого подхода встречаются и в современной управленческой и политической теории и практике. Не случайно ироничное замечание Т. Питерса и Р. Уотермена о том, что «профессионализм в управлении постоянно отождествляется с твердолобой рациональностью», поскольку рационалистический подход «стремится к беспристрастному аналитическому обоснованию всех решений» [7, с. 65], исключая из анализа неформальные, качественные, содержательные моменты. С начала XX в. и до 60-х годов этот факт мало смущал теоретиков рационального выбора, которые не учитывали проблемы внешней среды организации, конкуренции, сбыта и то, что сейчас называют человеческим фактором. Их внимание было сосредоточено в большей степени на оптимизации ресурсов внутри компании, поэтому уместно назвать их подход закрытой рациональностью.

До 1930-х годов теоретики были удовлетворены замкнутой системой и «рациональным индивидом». Признанными лидерами этого направления были Макс Вебер и Фредерик Тейлор. Ф. Тейлор, следуя положению М. Вебера об эффективности порядка, установленного правилами, провел хронометраж деятельности работающих, чтобы определить рациональность их действий и, соответственно, решить проблемы управления большими группами людей [9, с. 97]. Позиции М. Вебера и Ф. Тейлора пошатнулись с 1930-х годов, когда исследования Элтона Мэйо, Дугласа Макгрегора и других изменили представления об индивиде и группе в организации. От рациональности, понимаемой как способ управления и направления овладения человеческой природой, исследователи подошли к теориям, позволяющим понимать человеку свою собственную природу, связь своих действий и внутренних душевных движений. Систематическое изучение стратегии поведения индивидов вывело теоретиков на новые подходы к традиционным вопросам управленческой и политической теорий. Теории Макгрегора и его последователей образовали школу «человеческих отношений» в управлении [23, р. 32]. В последнее время они несколько утратили свое влияние из-за

неспособности снять крайности рациональной модели. Появление работы Альфреда Чандлера «Стратегия и структура» в 1962 г. открыло новые направления анализа деятельности «рационального индивида» уже с учетом влияния внешних факторов на организацию, что поставило под сомнение возможности традиционно понимаемой рациональности. Признание того, что внутренние изменения в организации определены влиянием внешних факторов (экономических, технологических, социальных и др.), попытки включения их в анализ деятельности и стратегии управления привели к появлению *открытой* формы рациональности [14]. Последователи А. Чандлера – Поль Лоуренс и Джей Лорш – усложнили модель, но результаты самостоятельно проведенных исследований в основном совпали [5]. С 1970-х годов и по настоящее время признание получили исследования Дж. Марча и Д. Олсена, считающих, что постоянное изменение целей и средств вытесняет «рационального человека» в традиционном понимании. Формальные методы управления и принятия решений в современных организациях не могут соперничать по эффективности с неформальными, индивидуальной предприимчивостью, умением рисковать [21].

В начале 1990-х годов теория «рационального выбора» приобретает все большее влияние в качестве общего подхода при теоретическом исследовании общественной жизни. Возможность создавать формальные, математические модели общественных явлений становится новым источником развития теории рационального выбора. Экономисты показали успешность применения метода и попытались расширить индивидуалистический подход на более широкий круг явлений. Представители иных социальных наук были озабочены выработкой четких и поддающихся формализации социальных теорий, позволяющих моделировать общественные процессы. Модели, созданные в теории рационального выбора, выводят рыночный уклад из свободного выбора разумных индивидов, связывают идеи эффективности, рациональности и порядка в социальной и экономической организации общества с понятиями «свободы личности», «индивидуального выбора», «индивидуальной рациональности». Несомненно, интерес и распространение теоретических подходов концепции рационального выбора в значительной степени связаны с изменением политического и экономического климата в Западной и Восточной Европе.

Модель «экономического человека» традиционных экономистов предполагала полную рациональность и рассматривала индивида, имеющего дело с реальным миром во всей его сложности и выбирающего рационально определенный лучший курс действий из возможных с целью максимизировать прибыль. Жесткость модели «экономического человека» проявлялась в том, что только индивиды, способные проранжировать свои предпочтения в порядке, который был бы рефлексивным, законченным, преемственным и непрерывным, а затем выбрать те, которые максимизируют их собственную выгоду, могут быть признаны рациональными. Категоричность такого определения вызвала интерес к самому концепту рациональности. Появилась очередная возможность спасти человечество, научить его действовать правильно, построив нормативную теорию рационального принятия решений. Рациональная модель обращена к элементу принятия решений процесса управления, оставляя другие – определение курса действий и исполнение – без рассмотрения.

Развитие управленческой науки и динамизм изменений показали, сколь далека модель от реальности. Пришло осознание того, что в человеческом мышлении и поведении присутствует значительный нерациональный элемент. В математические модели, включающие рациональные и нерациональные аспекты поведения, последние вводятся как условия, ограничивающие сферу рациональной деятельности. Именно практические ограничения человеческой рациональности определили появление административной теории Герберта Саймона, предложившего вместо модели «экономического человека» модель «административного человека». Если «экономический человек» максимизирует, т.е. выбирает наилучший курс из возможных, то «административный человек» ищет курс, который удовлетворителен или достаточно хорош. Принимающий решение значительно упрощает ситуацию, учитывая только относительно небольшое количество факторов, которое он способен охватить. По мнению Саймона, большинство случаев принятия решений человеком – как индивидуальных, так и организационных – связано с поиском и отбором именно удовлетворительных альтернатив. С открытием и выбором оптимальных альтернатив связаны только исключительные случаи. Удовлетворительно работающие администраторы обходятся без поиска всех возможных альтернатив и могут пользоваться относительно простыми принципами здравого смысла. Они ищут не «максимальную прибыль», а «удовлетворительную прибыль», не «оптимальную цену», а «справедливую цену» [24].

Поскольку границы рациональности не статичны, во многом детерминированы окружением организации, в которой приходится принимать индивидуальные решения, задача администрации заключается в создании такого окружения индивидуума, которое приближало бы практическое решение к рациональному. Вклад Саймона в развитие теории рационального выбора и расширение границ рациональности открыл новые возможности. Гносеологические, политические и организационные ограничения рациональности стали предметом исследования Дж. Марча, Д. Олсена, Ч. Линдблома и др. Дж. Марч заметно оживил анализ процесса принятия решений, утверждая, что тот весьма далек от рационально-контролируемого, поскольку недооцениваются случайность, игра (творчество), сложности, окружающие выбор. Случайность и игру исключить невозможно, поскольку любая организация представляет собой скопление выборов, ищущих проблемы; идей и чувств, ищущих ситуации, в которых они могут быть выражены; решений, ищущих вопросы, на которые они могут быть ответом; и людей, которые принимают решения [20].

Исследования Г. Саймона и Дж. Марча подтвердили, что внимание и умственные способности – дефицитный ресурс любого человека [22]. Руководитель не может уделять внимание всему одновременно, значит, он участвует только в отдельных частях принятия решений, но не решения в целом. Направленность и

объем внимания человека зависят от многих факторов (места в структуре организации, образования, особенностей психики, опыта и тренированности, доступа к информации, времени и т.д.). Человек, принимающий решение, может быть обеспокоен иными проблемами, следовательно, количество информации и количество альтернатив будет обработано меньше. Если принимающий решение и намерен быть рациональным, ему не избежать ограничений на собственную рациональность. Нельзя не считаться и с тем, что люди вынуждены принимать решения, когда им известно значительно меньше, чем в принципе может быть известно. Помимо ограничений внимания и способности к рациональности самого человека, мы должны учитывать и его предпочтения. Не секрет, что не все и не всегда в состоянии сформулировать свои предпочтения однозначным образом; к тому же желания и предпочтения, привычные выборы меняются под воздействием традиций, «добрых советов», норм, возраста, образа жизни и пр.

Познавательные ограничения рациональности смыкаются с политическими ограничениями в случае, если наш выбор находится в конфликте с выборами других заинтересованных лиц. Поскольку любая организация представляет собой многоцелевую политическую коалицию, состав участников коалиции и цели организации не всегда определенные длительное время, они выявляются путем переговоров и сделок. Каждый элемент организации (индивид, формальные и неформальные группы) имеет свои представления о том, какой она должна быть и какие у нее должны быть цели. Не определенная рациональность, а переговоры и сделки присущи любой организации как арене борьбы многих интересов и предпочтений. Таким образом, политические ограничения рациональности связаны с организационными ограничениями. Эти ограничения устанавливаются организованной анархией. Любая организация переживает стадии, когда она действует как организованная анархия, обнаруживая свои цели из того, что она делает, а не определяя их предварительно, специально.

Процессы принятия решений в условиях познавательных, политических и организационных ограничений неестественны и имеют следующие особенности.

1. Квази-разрешение конфликта – это состояние отношений в большинстве случаев. Причины конфликтов лежат в самой политической природе организаций, при принятии решений не происходит разрешения конфликта. Использование механизмов квази-разрешения конфликтов позволяет сосуществовать с ними. Один из таких механизмов – это «локальная рациональность». Каждое функциональное подразделение организации рационально строит работу в своей локальной сфере. Локальные рациональности могут быть несовместимыми и в результате могут разрушить рациональность организации в целом. В этом случае вступает в действие механизм «правило приемлемого уровня решений». Для того чтобы отклонения были допустимыми, приемлемый уровень соответствий между одним и другим решениями должен быть достаточно низким. Таким образом достигается результат, приемлемый для участников (различных интересов), а не оптимальный результат. Механизм «последовательного достижения целей» хорош, когда конфликт между целями не разрешается и приходится уделять внимание сначала одной цели, затем – другой.

2. Избегание неопределенностей. Радикальные решения оставляются, как правило, в стороне, решение подбирается близко от известных прежде (стандартных).

3. Процессы принятия решений – это процессы обучения. Люди принимают решения без тех знаний, которыми должны были бы обладать, и учатся в процессе работы, путем проб и ошибок.

Дж. Марч, а затем Д. Олсен и Д. Кохен [15; 16; 21] по мере своих исследований увидели немало курьезов: люди отстаивают свое право участвовать в принятии решений, а затем не участвуют в процессе, требуют информации – и не используют ее, борются за принятие решений, но проявляют мало интереса к тому, будут ли они выполнены. Эти парадоксы привели Дж. Марча к созданию знаменитой модели организационного выбора в виде «мусорного бака». Возможность или потребность прийти к решению, сделать выбор может рассматриваться как «мусорный бак», в который различные виды задач и решений сбрасываются участниками по мере их появления. В этой модели решение – результат взаимной игры между проблемами, их решениями, участниками и выборами.

По мнению Дж. Марча, рациональная «технология причин» должна быть дополнена «технологией безрассудства». Встречается множество случаев, когда мы должны действовать до размышления, чтобы иметь возможность найти новые цели при выборе направления деятельности. Мы должны принимать решения, хотя не всегда отчетливо осознаем, будут ли последствия соответствовать требованиям в будущем, что с точки зрения «рационального выбора» – безрассудство. Но в том то и дело, что принятие решений требует опыта для безрассудства. Игровость позволяет делать это. Игровость – это временное приостановление нормальных рациональных правил. Люди должны не бояться играть с безрассудными альтернативами и несостоятельными возможностями. Нужно уметь, считает Дж. Марч, рассматривать цели как гипотезы, допуская их изменение, интуицию как реальность, притворство как переходное несоответствие, память как противника новизны и опыт не как зафиксированную историю, а как теорию случившегося, которую мы можем изменять, если это поможет нам обучаться. Время от времени люди должны уметь быть безрассудно игровыми внутри собственных «мусорных баков» [20].

Ч. Линдблом занимался изучением теории принятия решений и практикой их принятия. Как формируется административная политика, как принимаются решения, затрагивающие общество в целом – вот вопросы, занимающие его. Способы принятия решений Ч. Линдблом рассматривает на примере формулирования инфляционной политики [18]. Чтобы добратся до первопричины инфляции (и любого иного общественного явления), можно построить бесконечную цепочку переменных: полная занятость, размер коммерческих прибылей, защита сбережений населения, курсы обмена валюты и пр. Администратор, отвечающий за принятие

общественно важного решения, может подсчитать, как изменение одной из перечисленных переменных влияет на другую/другие, и оценить альтернативные результаты всех возможных комбинаций. Разумеется, для этого требуется собрать «некоторую» информацию и учесть, что она имеет способность моментально устаревать. Этот подход к принятию решений стремится к рациональному дедуктивному идеалу, который требует, чтобы все значимые величины были установлены и определены достаточно точно, расставлены в порядке приоритетов, найдены принципы, позволяющие определить сравнимость политических альтернатив, и полученная полная информация по каждой альтернативе позволила провести логические дедуктивные вычисления лучшей из всех альтернатив. Использование современных методов (операционные исследования, системный анализ и др.) делают этот – синоптический – подход весьма привлекательным. Но никто, даже его защитники, не может указать, где и когда он был применен в своей полноте. Скорее, он в большей степени идеал, чем реальный способ принятия решений. Громоздкая его конструкция не адаптируется к реальным трудностям в процессе определения проблем и принятия решений и не реагирует на людей, обремененных выбором. Цена совершенства расчетов очень высока, что делает их практически нецелесообразными.

Другой пример возможных действий администратора предполагает использование политики, применяемой в стабильное время. Социальные ценности этого периода не подлежат рассмотрению, внимание сосредоточено на тех, которые подвержены инфляционной трансформации. Количество сравниваемых альтернатив в этом случае резко снижается, вариабельность изменения прослежена неоднократно и изучена, что позволяет не обращаться к положениям фундаментальных экономических теорий и пересматривать их. Скорее всего, принятое таким образом временное решение принесет успех, позволит ослабить напряженность. Последовательные ограниченные сравнения – раздельные приращения в терминологии Ч. Линдблома – не единственный способ адаптации к практическим трудностям принятия решений, но это более привычная стратегия принятия решений аналитиками и управленцами. Ч. Линдблом называет этот способ стратегией раздельных приращений [19]. Приращение – это маленькое изменение важной величины, но поскольку отсутствует четкая граница между приращениями и неприращениями, производится ненаправленная и неупорядоченная серия мелких движений от требующих повседневного внимания забот к более отдаленным целям. Таким образом, теория раздельных приращений Ч. Линдблома может характеризоваться приращениями, ограниченностью, ориентацией на средства, реконструктивизмом, серийностью, практичностью и фрагментарностью. Аналитик или администратор упрощают проблему, уделяя внимание только тем сегментам, в которых обстоятельства могут различаться, но не ведут рациональный поиск всех возможных альтернатив. Сегментарные изменения в этом случае достаточно очевидны, понятны, проверяются, так как рассматривается только ограниченное количество вариантов и последствий каждой из альтернатив. Сознательно оставляются вне поля зрения отдаленные или не поддающиеся учету возможности при всей их важности, поскольку их включение в анализ может препятствовать принятию решения вообще.

Стратегия раздельных приращений ориентирована на средства; результат зависит и определяется имеющимися ресурсами/средствами. Допускается изменение цели действий, если первоначально избранная цель требует все возрастающих затрат. Политика может быть адаптирована к целям, и, наоборот, цели могут быть «подогнаны» к проводимой политике; это гибкое переподчинение Ч. Линдблом и называет реконструктивизмом. Происходит непрерывный сбор, пересмотр, анализ информации, составление планов и их оценка.

Нет односторонних политических действий, ведущих к достижению масштабной цели, но бесконечная череда (серии) политических акций проводится не для окончательного решения общественных проблем, а, скорее, для их смягчения. Конкретные улучшения ситуации для политика предпочтительнее, нежели достижение высоких целей. Фрагментарность стратегии раздельных приращений Ч. Линдблома состоит в том, что анализ и оценка происходят в разное время и в разных организациях и учреждениях. Недостаток согласованности действий и результатов стратегия раздельных приращений компенсирует преимуществами разнообразия. Сегодня точность может быть достигнута путем сужения области анализа, оставляющего за границами рассмотрения большую часть проблем.

Перечисленные тактики стратегии раздельных приращений сокращают масштаб проблемы, сужая информационное поле, число выборов до приемлемого для человеческого восприятия и обеспечивая возможность действия. Незначительные изменения, не имеющие далеко идущих последствий, могут быть в конечном итоге более эффективными, нежели радикальные.

Стратегия раздельных приращений – это, скорее, не отрицание синоптического подхода, а способ практического движения в решении социально-политических проблем.

Упование на рациональный фактор управления породило несбалансированность представлений об управлении и политике в последние десятилетия. Критиками теории рационального выбора не отрицается важность количественной информации, ее анализа и решения экономических, социальных и политических проблем с ее помощью [4, с. 59-74; 7]. Однако они сомневаются в результативности самого анализа, ибо он слишком громоздок, чтобы гибко реагировать на изменения.

Современная практика управления дистанцируется от узко понятой рациональности, поскольку она существует в отрыве от многообразия живой жизни. Неформальные, гибкие методы принятия решений показывают свое преимущество перед твердолобой рациональностью. Теодор Левитт с сарказмом замечает: «Создатели моделей строят изошренные деревья решений, претензии которых на полезность уступают разве лишь благоговейному трепету линейных руководителей высшего уровня перед технократами, которые их строят» [7, с. 78].

Тупики рационалистических моделей привели к пониманию необходимости применения более широкого подхода в противовес узкому рационализму. Поппер настаивал, что «подлинный рационализм предполагает осознание того обстоятельства, что не следует слишком полагаться на разум, что доказательство редко решает проблему, хотя оно и является единственным средством научиться – конечно, не совершенно отчетливому пониманию, а пониманию более отчетливому, чем прежде» [10, с. 262]. Радикальные изменения условий принятия решений – политических и административных – в условиях нарастающего давления процессов глобализации, делают слепой рынок поводом для ослепших государств, опровергая надежность рационального [1]. Никто – ни государства, ни индивиды – не видит перспективы, долгосрочные цели даже не ставятся, приватное подчиняет публичное пространство и вульгаризирует его, освобождая человека от выбора, от права на участие в принятии политических решений.

Обращение исследовательского корпуса к коммунитарным практикам принятия политических и управленческих решений и выяснению содержания «общего блага» стало ответом на беспощадную разрушающую роль рынка. Поздние идеи Ю. Хабермаса о коммуникативной и стратегической рациональности коммуникативного действия и политики консенсуса приводят к пониманию того, что «регулирующая сила решений, обязательных для коллектива, работает по другой логике, нежели регулирующий механизм рынка» [11, с. 123]. Развитие сетевой методологии, концепций «хорошего управления» (good governance) и способностей государства (state capacity) приоткрыли новое понимание рациональности, созвучное динамичному миру.

Список литературы

1. Бауман З. Текущая модерность: взгляд из 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2011/05/06/bauman> (дата обращения: 13.10.2011).
2. Вебер М. История хозяйства: город. М.: КАНОН-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 576 с.
3. Гайденок П. П. Проблема рациональности на исходе XX в. // Вопросы философии. 1991. № 6.
4. Грин Д. П., Шапиро И. Объяснения политики с позиций теории рационального выбора: почему так мало удалось узнать? // Полис. 1994. № 3.
5. Классики менеджмента / под ред. М. Уорнера. СПб., 2001. 1168 с.
6. Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. 708 с.
7. Питерс Т., Уотермен Р. В поисках эффективного управления. М., 1986. 418 с.
8. Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2-х т. М., 1992. Т. 2. 528 с.
9. Тейлор Ф. Принципы научного менеджмента. М., 1991. 104 с.
10. Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М., 1990. 716 с.
11. Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // ЛОГОС: журнал по философии и прагматике культуры. 2003. № 4-5.
12. Хьюбнер К. Истина мифа. М., 1996. 448 с.
13. Цымбурский В. Л. Человек политический между ответами на стимулы // Политические исследования. 1995. № 5.
14. Chandler A. Strategy and Structure: Chapters in the History of the American Industrial Enterprise. Cambridge, 1998.
15. Cohen J. M., March J. G., Olsen J. P. A Garbage Can Model of Organizational Choice // Administration Science Quarterly. 1972. Vol. 17. № 1.
16. Cohen J. M., March J. G., Olsen J. P. A Garbage Can Model of Organizational Choice // March J. G. Decisions and Organizations. Oxford: Blackwell, 1988.
17. Lenk H. Typen und Systematik der Rationalität // Zur Kritik der wissenschaftlichen Rationalität. Freiburg – München, 1986.
18. Lindblom C. E. The Policy-Making Process. Prentice-Hall, 1968.
19. Lindblom C. E., Braybrooke D. A Strategy of Decision. N. Y., 1963.
20. March J. G. Decisions and Organizations. Oxford: Blackwell, 1988.
21. March J. G., Olsen J. P. Ambiguity and Choice in Organizations. Bergen, 1976.
22. March J. G., Simon H. A. Organizations. Wiley, 1958.
23. McGregor D. Theory X and Theory Y // Workforce. 2002. Vol. 81. Issue 1.
24. Simon H. A. Administrative Behaviour. 2nd ed. Macmillan, 1960.

“RATIONAL” NOTION TRANSFORMATION IN POLICY AND ADMINISTRATION DECISION-MAKING THEORY

Tat'yana Aleksandrovna Kulakova, Ph. D. in Sociology, Associate Professor
Department of Political Administration
St. Petersburg State University
Koulakova812@mail.ru

The author analyzes the decision-making models that were created in rational choice theory, which became the theoretical foundation for the research of the new type of political-administrative processes described by scientific conceptions “good governance”, “state capacity” and “policy networks”. The expanding practice of collective political-administrative decision-making sets the task of rationality research as a method of decisions quality estimation and as a means of processes and their adoption structures decomposition.

Key words and phrases: rational choice theory; rationality; rationality limits; limited rationality; decision-making in policy and administration.